

ПРЕДИСЛОВИЕ РИЧАРДА ШЕПЕРДА

КАК ДЕРЕК И ПОЛИН ТРЕМЕЙН

ИСТОРИИ ИЗ ПРАКТИКИ

РАСКРЫТЬ

ВЕДУЩИХ СУДМЕДЭКСПЕРТОВ

УБИЙСТВО

ВЕЛИКОБРИТАНИИ

18+

МИФ Здоровый образ жизни

Дерек Тремейн

**Как раскрыть убийство.
Истории из практики ведущих
судмедэкспертов Великобритании**

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 82-94:340.6
ББК 84(4Вел):67.53

Тремейн Д.

Как раскрыть убийство. Истории из практики ведущих
судмедэкспертов Великобритании / Д. Тремейн — «Манн, Иванов
и Фербер», 2021 — (МИФ Здоровый образ жизни)

ISBN 978-5-00-169812-8

Дерек и Полин Тремейн, ключевые сотрудники отделения судебной медицины лондонской больницы Гая, в течение многих лет занимались расследованием преступлений, в том числе самых громких, и работали на местах массовых катастроф. Эта книга не только погружает читателя в рабочие будни закрытой и окруженной множеством мифов профессии судмедэксперта, но и дает ему возможность почувствовать себя в центре событий, которые разворачиваются прямо у него на глазах. Для всех любителей детективов и триллеров, а также тех, кому интересно, чем конкретно занимаются судмедэксперты и как на самом деле раскрывают преступления. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-94:340.6
ББК 84(4Вел):67.53

ISBN 978-5-00-169812-8

© Тремейн Д., 2021
© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Предисловие Ричарда Шеперда	6
Введение	8
Глава 1. Кошмарная идентификация личности	10
Глава 2. Музей ужасов	13
Глава 3. Анатомия убийства	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дерек Тремейн, Полин Тремейн

Как раскрыть убийство.

Истории из практики ведущих судмедэкспертов Великобритании

Оригинальное название: How to Solve a Murder: True Stories from a Life in Forensic Medicine

Научный консультант Сергей Шигеев, д. м. н., профессор, главный специалист по судебно-медицинской экспертизе Москвы и ЦФО РФ

Серия «Страшно интересно»

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Derek and Pauline Tremain, 2021 This edition published by arrangement with Robert Smith Literary Agency, Louisa Pritchard Associates and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021

*** * ***

*Посвящается нашим детям: Россу, Джемме, Роуэну и Эмбер, а
также нашим семьям*

Предисловие Ричарда Шеперда

Когда смотришь криминальный сериал, может показаться, что убийцу ловит всего один герой. Что это будет за незаменимый человек, зависит от темы сериала: полицейский, патологоанатом или следователь-криминалист. Но у всех этих фильмов есть одна общая черта: главный герой делает всю работу и сам находит все улики. В конце серии его обычно осеняет ослепительная вспышка озарения, за которой следуют быстрый арест и признание преступника. Дело сделано, все отправляются пить чай. Я знаю, вы не верите всему, что видите на экране, но все равно идете на поводу у истории, даже если, как и я, чувствуете некоторое неудовлетворение и задаетесь вопросом «Как же все бывает на самом деле?».

Блестящая книга Дерек и Полин расскажет вам, что происходит в реальности. Вы узнаете обо всех аспектах судебной медицины, включая мозги, пули и кости. Эта книга в мельчайших подробностях поведает об испытаниях, реалиях и завораживающих деталях расследования убийств, которыми занималось отделение судебной медицины во всемирно известной лондонской больнице Гая¹.

Вскоре вы убедитесь, что, несмотря на плеяду звезд, работавших в отделении в разные периоды, – таких как профессора Кит Симпсон и Кит Мэнт, а позже и доктор Иэн Уэст, – множество раскрытых убийств связаны не с их громкими именами, а с целой командой судебно-медицинских экспертов, которые сообща трудились в тесных лабораториях в самом конце отдаленного корпуса больницы. Они приводили научно обоснованные медицинские доказательства, подтверждали причины смерти, устанавливали личности погибших и преступников и определяли факты, без которых было не добиться признания вины.

Команда отделения судебной медицины больницы Гая за годы работы расследовала несколько тысяч смертей: семейно-бытовые и серийные убийства, несчастные случаи, а позднее и смерти в результате террористических атак. Погибали младенцы, дети, взрослые и старики. Расследование каждого случая требовало особых навыков, которые год от года совершенствовались и оттачивались. Со временем в отделении происходили перемены: появлялись новые, доказавшие свою эффективность методы исследований, в том числе микроскопия, идентификация оружия, серология и токсикология.

Дерек и Полин долгое время были ключевыми сотрудниками отделения и в течение многих лет занимались расследованием самых широко освещаемых трагедий, в том числе катастрофы на железной дороге в Клэпхеме и крушения судна *Marchioness*. При этом громкие происшествия не отменяли необходимости расследовать смерти, наступившие по естественным причинам, в результате насильственных действий или вследствие трагических событий, – нужно было успевать всё. Расследования гибели высокопоставленных людей и знаменитостей всегда осложнялись присутствием прессы, а о смерти бездомных в грязных кварталах, заброшенных зданиях и переулках почти никогда не сообщали в газетах. Тем не менее трупы этих людей тщательно исследовали всё те же неутомимые судебно-медицинские эксперты больницы Гая. Такими были и рабочие будни Дерек и Полин.

Я хорошо помню, как Дерек сидел в лаборатории – в этой комнате всегда гудели приборы и пахло химикатами, часто с примесью ноток гниения. Полин в основном находилась у себя в кабинете, где всегда пахло кофе, что было гораздо приятнее. Она умело справлялась с административными задачами и контролировала (или пыталась контролировать) патологов, которые базировались в этом национальном центре судебной медицины. У Полин также получалось

¹ Guy's Hospital – больница в центре Лондона, основанная в 1721 году филантропом Томасом Гаем. Находится под управлением доверительного фонда Гая и Святого Томаса Национальной службы здравоохранения Великобритании, является академическим научным центром здравоохранения и входит в альянс King's Health Partners. *Прим. ред.*

вежливо, но жестко ставить на место полицейских, следователей и даже судей. Ее повседневная рутина не была ограничена стенами кабинета: в течение многих лет она ежедневно работала в моргах вместе с патологоанатомами, наблюдая за вскрытиями. Они с Дерексом выезжали на места преступлений, делали фотографии, брали образцы и составляли детальные описания. Дерекс и Полин, каждый в своей сфере, по праву носят звание экспертов: их бесценный профессионализм, навыки и разносторонний опыт многократно упростили поимку преступников в делах, в которых они участвовали.

В своей книге Дерекс и Полин отразили суть процесса расследования убийства в отделении судебной медицины: радость успеха и разочарование от ненадежных доказательств; стресс от работы с мертвыми телами или их частями и необходимость держать все чувства под контролем; долгие, изнурительные часы работы в сложных условиях до получения нужного результата и абсолютно ненормированный график, потому что судебные медики не обращают внимания на такие мелочи.

Эта книга не только дает представление о специфике работы судебно-медицинского эксперта, но и помещает читателя в центр событий, которые разворачиваются прямо у него на глазах. Будьте готовы к тому, что ваша вера в человечность подвергнется серьезной проверке. У этой книги есть и другой побочный эффект: после ее прочтения вы уже не сможете смотреть криминальные сериалы без понимающей улыбки и здорового скептицизма.

Воспоминания Дерекса и Полины захватывают и увлекают (как и сама судебная медицина), а иногда повергают в шок – в этом и заключается реальность работы, связанной с раскрытием убийств.

Введение

Вы когда-нибудь пытались угадать, кем работает человек, который едет рядом с вами в общественном транспорте? Многие любят коротать время в поездке за подобной игрой. Держу пари, вы бы вряд ли угадали наш род деятельности. Внешне мы ничем не выделяемся на фоне остальных. Вас мог бы смутить только едва уловимый, но все же узнаваемый запах, сопровождающий нашу профессию, – запах разложения...

Мы приглашаем вас погрузиться в мир, где немыслимое – это норма, нецензурное – обязательная часть словарного запаса, а леденящие кровь звуки и картины – повседневная рабочая обстановка. Все это мир судебной медицины, который увлек нас еще в молодости, хотя он совсем не похож на то, что обычно привлекает молодежь.

Если вы поклонник детективных сериалов, триллеров, а также документальных фильмов и автобиографий судмедэкспертов, эта книга не только даст возможность взглянуть на интересующую вас тему под новым углом, но и разрушит неприступные стены вокруг целого неизвестного мира. Этот мир не для слабонервных, что подтверждают наши леденящие кровь истории. Мы расскажем, что значит работать, непосредственно соприкасаясь с самыми темными сторонами человеческой жизни.

Тема смерти всегда была табуирована. В западной культуре к ней примешивается страх перед неизвестностью, потому что современная наука не в состоянии объяснить, что происходит с «самосознанием» и личностью после смерти. Мы лишь знаем наверняка о недолговечности своего физического тела. Это вселяет беспокойство. По вполне понятным причинам мы стараемся не слишком задумываться о смерти, если для этого нет серьезного повода. Большинству людей неприятна мысль, что определенные специалисты добровольно участвуют в исследованиях, связанных со смертью. Для большинства совершенно необъяснимо, как можно проводить исследование фрагментов тканей человека, частей тела или фотографий повреждений – а именно в этом и состояла наша работа. Для людей с таким образом мышления нет достаточно убедительных оснований, которые могли бы оправдать желание изучать мертвые тела, – даже таких аргументов, как необходимость установить причину смерти, помощь обществу или поиск справедливости.

Когда сталкиваешься с естественной смертью каждый день, она перестает приводить в состояние оцепенения и внушать страх. Ты успеваешь свыкнуться с ее концепцией. Конечно, над этим не всегда комфортно размышлять, но очевидно, что смерть – это неизбежный финал жизни. Физическое разложение тела служит доказательством жизни, какой бы скоротечной она ни была. В результате становится важным то, как ты живешь. Тесная работа со смертью бросает вызов вашему восприятию жизни и побуждает постоянно пересматривать приоритеты и переоценивать то, что действительно важно лично для вас.

Несомненно, смерть скоро начинает восприниматься как нормальное явление, так как большинство поступающих в морг людей умирают от естественных причин. Именно поэтому у меня и моих коллег есть одно преимущество: у нас сильнее развита способность переключаться в «профессиональный режим», который помогает заниматься организационными вопросами кончины близкого друга или родственника. Наше мировоззрение позволяет создавать порядок из хаоса и не дает взять верх водовороту эмоций. Но, разумеется, смерть близких поражает нас точно так же, как и любого другого человека.

Есть люди, которым настолько отвратительна область судебной медицины, что они позволяют себе заявлять, что работающие в нашей сфере специалисты лишены чувства такта и в некоторой степени даже психического равновесия, что в нас, должно быть, нет ни сочувствия, ни сострадания. Мы надеемся, что наша книга сумеет доказать обратное.

Судебная медицина – это не «обычная» работа, а целое приключение, к которому невозможно в полной мере подготовиться. Ее особенности повергают в трепет: да вот хотя бы осознание того, что труп недавно умершего человека при определенных условиях сохраняет морфологические особенности, по которым патолог устанавливает причину смерти. Такие признаки сохраняются в тканях и органах, или о них красноречиво говорят последствия травмы. Как вы узнаете из этой книги, оба типа доказательств изучает специалист по судебной медицине и, используя набор технических приемов, устанавливает истинную причину смерти.

Одно из самых захватывающих зрелищ – это наблюдение за работой патолога. И вдвойне интересно, если посчастливилось стать одним из его ассистентов и учиться на его опыте. В нашей профессиональной среде поощрялась любознательность, а свобода мысли сочеталась со свободой слова. Мы говорили на темы, которые редко затрагивают в обычном офисе. В нашем отделении мы находились в окружении людей без предрассудков, так как здесь работали те, кто уже видел все или почти все.

С помощью этой книги мы хотим приоткрыть завесу тайны над работой судебно-медицинских экспертов. Мы хотим показать, как судебно-медицинская наука позволяет находить ключевые доказательства, которые предоставляют на судебные разбирательства и на основе которых выносят обвинительные приговоры. Мы хотим познакомить вас с теми аспектами в расследовании преступлений, которые, как правило, неизвестны широкой публике: как важно правильно выполнить фотографии тела на месте преступления и в морге, как самые незначительные мелочи могут стать важнейшими зацепками для поимки убийцы.

Добро пожаловать в наш мир. Надеемся, вам будет интересно разделить его с нами.

Глава 1. Кошмарная идентификация личности

(Рассказывает Дерек.)

В конце рабочего дня, когда все покидают свои посты и расходятся по домам, в отделении судебной медицины в больнице Гая не стоит засиживаться допоздна. Хотя сам я как ученый и, прежде всего, судебно-медицинский эксперт часто оставался там после захода солнца. Когда под тусклым светом ламп удлиняются тени, у меня повышается чуткость восприятия. Провожая последнего уходящего коллегу, я вижу, как лампочки в коридоре начинают нервно мелькать и гаснуть одна за другой, оставляя меня одного в мутном пятне света. Кажется, что я мысленно сопровождаю каждый раздающийся шаг, когда сотрудники покидают другие этажи здания. Без их ободряющего человеческого присутствия я еще явственнее чувствую себя одиноким и отрезанным от мира. Я инстинктивно двигаюсь тише, болезненно осознавая каждый производимый мной шорох и окружающий шум – звук постоянно работающих холодильников и морозилок в полной тишине...

Я настороженно слежу за всеми процессами, которые в свете дня совершенно меня не тревожат, но с наступлением ночи в размытых очертаниях окружающей обстановки они нагоняют жуть. Знакомые запахи, которые каждое утро по дороге к рабочему месту действуют на меня успокаивающе, теперь заметно меньше вселяют уверенность: нотки химикатов, которые уже убрали на ночь, теплого воска, которым заливают и восстанавливают образцы тканей, духов пропахших плесенью старых шкафов, битком набитых странными объектами.

Редкие пылинки, которые днем кружат в лучах солнечного света, уже мирно улеглись, и воздух застыл, лишившись даже намека на шевеление мелких частиц. Все вокруг замерло в ожидании ночи. Кроме меня.

Еще днем отделение, как мы его называем, было таким оживленным, наполненным шутивыми перепалками и кипучей деятельностью сотрудников, которые так любят свою профессию, что спешат скорее приступить к работе. С наступлением ночи все приобретает особую значимость. Одинокий череп на соседнем столе, который в повседневной обстановке воспринимается как учебное пособие и редкий экземпляр из коллекции главного патолога, теперь вызывает леденящие кровь ассоциации. Его все тяжелее считать подходящим дополнением к пресс-папье и канцелярским принадлежностям, с которыми он соседствует. Предмет, который днем казался занятым и соответствующим обстановке отделения судебной медицины, превращается в зловещего провожатого в ночной мрак. Падающая на него тень резко выделяет пустые глазницы и две круглые дырки – входное и выходное отверстия от пули, красноречиво свидетельствующие об убийстве. Ночью я думаю только о том, что когда-то эта пустая голова служила вместилищем мозга живого человека.

Череп, как правило, символизирует неизбежный конец человеческой жизни. Но в нашем отделении к объектам такого рода относились исключительно как к вещественным доказательствам, подчеркивающим тот факт, что в основном мы работаем с насильственной смертью. В полумраке лаборатории он также напоминал мне о том, почему я получаю несказанное удовлетворение от своей работы. Я вношу свой вклад в расследование преступлений. Мои навыки помогают раскрывать жестокие убийства. И все же от таких явных напоминаний у меня по спине время от времени пробегал холодок.

* * *

«Смотри-ка, Трогг, что я нашел!»

Доктор Кевин Ли, в то время второй по старшинству патолог в отделе, вернулся с задания из Долины Темзы² на исходе рабочего дня, как у него обычно это бывало. Он только что проделал неблизкий путь от больницы Святого Петра в Чертси, что в графстве Суррей.

Я уже снял белый халат и доставал из шкафчика шлем, предвкушая получасовую поездку домой на мотоцикле. Но тут мне неожиданно пришлось задержаться.

«Мне нужна твоя помощь», – сказал Кевин, и в глаза мне сразу бросилось огромное белое «ведро с мозгами», которое он тащил.

Как старший научный сотрудник, которым я был в то время, я уже привык получать материал для исследований в ведрах. Однако предстоящая задача не имела ничего общего с повседневной работой в лаборатории. Для ее выполнения требовались особые профессиональные навыки и знание анатомии, но это еще слабо сказано.

В ведре лежала ужасно изуродованная голова убитой женщины. Тело не прилагалось – только отрезанная голова и всё. В минувший полдень труп бросили на рельсы таким образом, чтобы поезд прошел точно по голове. Несомненно, это было сделано в надежде, что лицо жертвы нельзя будет опознать.

Тот отрезок железной дороги находился на загруженном участке между Сурреем и Лондоном. В момент столкновения скорый поезд Intercity 125 наехал на голову на огромной скорости и нанес ей страшные увечья. Лицо стало *практически* неузнаваемым. Практически, но не полностью – на этом основании мне и пришлось тем вечером выступить в незнакомой для себя роли.

От поверхностных структур кожи головы остались одни лоскуты и обрывки. Вся внешняя часть была покрыта кровью, а внутри почти ничего не осталось: все фрагменты мозга уже изъяли в морге. Череп по большей части был раздроблен после удара поезда, и некоторые отделившиеся фрагменты сохранили в морге для последующего изучения. Передо мной лежала голова, которая скорее была похожа на кровавый, изодранный, искореженный «пустой мешок», а Кевин хотел, чтобы мы восстановили ее.

Доктора Кевина Ли во всем отделении знали за его любовь к шуткам и розыгрышам, и вполне возможно, что его предложение восстановить голову могло показаться одной из таких выходок. Но я сразу понял, что Кевин настроен серьезно. Его просьба преследовала в высшей степени практическую и необходимую цель. По его замыслу, когда мы получим более узнаваемую структуру, мы сможем сделать фотографии, зарегистрировать повреждения, описать их и пронумеровать, что в дальнейшем можно использовать в качестве справочного документа. На этом основании отчет о вскрытии можно было бы предоставить к последующему разбирательству по делу об убийстве, если, конечно, полицейское расследование дойдет до этой стадии. Все зависит от того, обнаружатся ли другие вещественные доказательства, а также сможет ли полиция найти виновника. И вот тем вечером я неожиданно принялся за самую заковыристую задачу в своей жизни.

Сначала мы очистили кожу. Затем я понял, что нам необходима основа для головы, что-то твердое, на чем она бы плотно держалась и не теряла формы, пока мы ее восстанавливаем. Для этой цели я воспользовался большой лабораторной мензуркой. Чтобы придать голове желаемые очертания, в качестве опоры нам был необходим мозг, вокруг которого мы могли бы составлять элементы. В отделении судебно-медицинской экспертизы всегда найдется объект нужного свойства, поэтому я довольно быстро прямо за спиной отыскал в одном из контейнеров старый мозг, стоявший на полке в секционной. Этот мозг давным-давно был погружен в формалин – консервирующий раствор, с которым я постоянно работаю. Свежий мозг по консистенции очень мягкий и податливый, но формалин придает ему желаемую твердость, в

² Thames Valley – неформально определенный регион на Темзе к западу от Лондона с Оксфордом в качестве главного города. *Прим. ред.*

результате чего мы нашли идеально плотную, округлую форму, подходящую для наших целей. Мы начали со всей возможной осторожностью вставлять мозг в полость головы и выправлять бесформенные останки.

Закончив с приданием голове общей формы, мы перешли к работе над более конкретными чертами лица, методично сшивая вместе все оставшиеся кусочки кожи, лоскуток за лоскутком, как будто трудились над кошмарным лоскутным одеялом.

Нам пришлось заниматься пугающе омерзительной работой, но мы с доктором Ли чувствовали себя вместе очень непринужденно, и весь процесс воссоздания головы сопровождался дружескими шутками. Я не сомневаюсь, что посторонний человек увидел бы в нас типичных сумасшедших ученых. Ночь, освещенная электрическим светом тесная комнатка в пустой темной лаборатории, и мы посмеиваемся за работой. Сначала это казалось фантастическим, а затем, когда стала проявляться личность погибшей, – зловещим. Посмотрим фактам в лицо: не каждый день тебя просят собрать заново отнятую голову. Если бы мы не старались поддерживать настроение друг другу, то, скорее всего, окончательно впали бы в тоску, раздумывая над судьбой несчастной жертвы.

Прошло несколько часов, прежде чем мы с облегчением удостоверились, что все до последнего кусочки плоти были пристроены на место и сшиты. Мы работали только с кожей, потому что все костные структуры были изъяты, но тем не менее лицо приняло узнаваемые черты – вполне определенный человек, которого теперь можно опознать по фотографии.

Затем я сделал несколько снимков на рабочий фотоаппарат, чтобы получить изображение каждого повреждения с разных ракурсов. Этими фотографиями при необходимости Кевин смог бы дополнить отчет о вскрытии, который он составил на следующий день.

Когда я покончил со съемкой, доктор Ли сделал несколько записей касательно обнаруженных повреждений. Одна из травм образовалась вследствие столкновения с выступающими частями локомотива. На лоб жертвы пришелся сильный удар, оставивший глубокую рваную рану. В комментарии доктор Ли указал направление удара, а потом еще целый час записывал другие сложные параметры. Наконец мы погрузили голову в большой контейнер с формальдегидом для хранения образцов, чтобы позже, на судебном разбирательстве, представить ее в качестве доказательства.

На следующий день я все еще пребывал в шоке от пережитого. Это не выходило у меня из головы и было совершенно отвратительно даже с учетом специфики моей профессии. Все это происшествие похоже на сон, от которого не хотелось бы просыпаться среди ночи.

Поразительно, но дальнейшее расследование все же принесло результат. Вскоре полиция заинтересовалась мужем убитой женщины – и не только потому, что он состоял с жертвой в близких отношениях. Положение мужчины как главного подозреваемого упрочилось после заявления соседа, который видел его неподалеку от железной дороги в том месте, где была обнаружена голова. Отмечу, что земельные участки подозреваемого и его соседа находились прямо рядом с железнодорожным полотном.

Мужа погибшей женщины признали виновным в убийстве и приговорили к пожизненному заключению.

Глава 2. Музей ужасов

(Рассказывает Дерек.)

До сих пор не устаю задавать себе вопрос «Как я выбрал для себя эту жуткую профессию?».

Все началось с чистой случайности, когда мне было пятнадцать и выпускной класс был не за горами. Однажды я заскочил в гости к другу, который жил в паре сотен метров от моего дома в Бельведере в районе Норт-Кент.

– Здорово, Лопата! Как работа?

В нашей глуши у каждого было свое прозвище. Я знал, что Лопата уже три года работает в Медицинской школе больницы Гая.

– Знаешь, Трогг, мне нравится. Сейчас я работаю в биологическом отделении, и там ужасно интересно.

Услышав это, я сразу же загорелся и в шутку спросил:

– А вам люди не нужны?

– Да, в музей, расположенный в соседнем здании, как раз требуется лаборант.

– Ого... Тогда замолви за меня словечко. Мне нравится биология. Было бы здорово поработать в таком месте.

Через несколько дней куратор музея поручил моему товарищу назначить мне дату собеседования. Недолго думая, я надел элегантный светло-серый костюм старшего брата, сел в электричку до Лондона и через полчаса был на месте.

Я знал, что хочу там работать, и утвердился в этом мнении еще до того, как прошел через колоннаду на главной площади, спустился по каменным ступеням, миновал большой парк с цветущими клумбами и вековыми деревьями и свернул направо за угол – туда, где располагалось большое, величественное здание, увитое плющом, который даже весной расцветивал фасад в насыщенные розовые оттенки. Это и была Медицинская школа.

По широкой крутой лестнице из белого известняка, которую по обеим сторонам стерегли два старинных черных фонарных столба, я поднялся прямо к внушительному входу. И вот тут все стало по-настоящему.

Двойные деревянные парадные двери вели в просторный прохладный вестибюль с выложенным мрамором полом. На пьедесталах стояли мраморные и бронзовые бюсты самых именитых хирургов и врачей больницы Гая. Скульптурные портреты напоминали сотрудникам и посетителям, в какое выдающееся место они собираются войти, и рассказывали о заслугах бывших работников больницы, составляющих богатство ее истории.

Поскольку в то время на входе не было ни стойки регистрации, ни охранника, я направился направо, где, судя по указателю, находился Музей патологии Гордона.

В офисе меня представили главному технику Джо, которому дали задание провести со мной собеседование. Он прекрасно подходил для этой задачи и произвел на меня впечатление дружелюбного и приятного человека. Джо изо всех сил расхваливал вакантную должность, хотя меня не нужно было ни в чем убеждать.

В конце собеседования меня проводили в Медицинскую школу на четвертый этаж для знакомства с куратором музея, профессором Китом Симпсоном. Он оказался стройным, подтянутым мужчиной с редкими волосами и профессиональными, обходительными манерами в духе «старой школы». Ко всем собеседникам он обращался только по фамилии.

«А-а-а, Треме-е-ейн, приятно познакомиться».

Я получил должность, и первый рабочий день мне назначили через несколько недель – 15 октября 1964 года.

Я понятия не имею, откуда у меня появился интерес к науке, но его точно привили мне не родители. Во время Второй мировой войны мой отец был сварщиком, он работал с танками и военным снаряжением в Королевском арсенале в Вулидже, а мать была крановщицей и разгружала суда на пирсе Эрит. Позже родители устроились в паб The Leather Bottle неподалеку от дома, а мы с двумя братьями росли как трава: строили шалаши и лазали по деревьям в древних лесах за Леснесским аббатством (построенным в 1178 году)³.

Когда в первый рабочий день мне выдали мой первый белый халат, я стал настоящим техником-лаборантом и присоединился еще к трем техникам, которые уже числились в музее. Формальной должностной инструкции у меня не было, и весь рабочий день планировал за меня Джо.

Уже на второй день работы меня попросили сходить в морг. Скажу честно, меня эта просьба сильно напугала, ведь мне было всего пятнадцать и я до сих пор не освоился в новой обстановке. В том возрасте я еще не успел пережить сильных потрясений, особенно эмоциональных, поэтому понятия не имел, какие ощущения вызовет этот опыт и как он повлияет на меня в дальнейшем. Но все же в полном смятении я отправился в морг.

Если есть на свете человек, которого можно назвать «подходящим для работы с покойниками», то это заведующий морга Лен Бини. Я пожал его протянутую руку и убедился, что он полностью соответствует моим ожиданиям: низкорослый, лет пятидесяти, в черном костюме с галстуком, повязанным поверх белоснежной рубашки, в начищенных до блеска черных туфлях, в которых можно было увидеть свое отражение. По-видимому, стиль одежды он перенял у гробовщиков.

Прежде я никогда не видел труп, в особенности после аутопсии, все еще вскрытый, который вскоре должны зашить и снова отправить в холодильную камеру. От этого зрелища у меня пошел мороз по коже, но Лен постарался сделать мой первый визит увлекательным, поэтому страх и отвращение вскоре сменились глубочайшим интересом.

Среди четырех увиденных тел одно меня особенно поразило: это был мальчик примерно десяти лет, которого сбил грузовик. Я был немногим старше и, глядя на его расплюснутую голову, ощущал горечь и тревогу. Это было невыносимо тяжело, особенно в первый день знакомства со смертью. Сбоку на лице мальчика отпечатался протектор шины как доказательство суровой реальности, которая может обрушиться на ребенка и его безутешную семью. По понятным причинам на это зрелище я отреагировал сильнее, чем на трупы взрослых людей, которые в целом воспринимал спокойнее. Я обязан Лену тем, что он сделал мой первый опыт посещения морга как можно менее мучительным.

Позже я узнал Лена ближе, и одна из сторон его личности стала для меня полной неожиданностью. Он показал мне карточную игру, которую готовил к продаже, и объяснил, что в свободное время увлекается разработкой игр. Оказалось, что в прошлом он уже успел с большим успехом продать подобные игры нескольким компаниям. Мне и в голову бы не пришло, что этот тихий и скромный мужчина в строгом черном костюме на самом деле увлеченный изобретатель. История Лена Бина подтверждала, что о книге не стоит судить по ее обложке.

В общей сложности я проработал в Музее патологии Гордона, в стенах этого грандиозного квадратного здания по соседству с Медицинской школой, семь лет. Оно занимало несколько соединенных винтовой лестницей этажей от вестибюля вверх и вниз – в подвальные помещения. Большие мансардные окна на потолке помогали массивным люстрам освещать залы. Здание складывалось из четырех квадратных пространств, отходящих от центральной лестницы. Верхние этажи состояли из открытых галерей, имевших полы, выложенные стеклянной плиткой, и украшенных по периметру коваными перилами с официальной эмблемой больницы Гая. Нижние этажи больше походили на залы обычного музея.

³ Lesnes Abbey – бывшее аббатство, ныне разрушенное, в юго-восточной части Лондона. *Прим. ред.*

Вдоль галерей тянулись многочисленные ряды полок, на которых в прозрачных плексигласовых ящиках стояли образцы разных размеров и возрастов. Вторая лестничная клетка располагалась в углублении в стене и вела через галереи, расположенные на трех этажах. Она меньше привлекала внимание, и обычно ей пользовались лаборанты.

Музей не был публичным. Попастъ в него могли только люди, имеющие к нему отношение: нужно было работать в больнице Гая или проходить там практику, будучи студентом-медиком или стажером, обычно претендующим на место в Скорой помощи Святого Иоанна⁴. Иными словами, это место служило для учебы и исследований.

На первом этаже выставлялись притягивающие внимание восковые анатомические модели в натуральную величину, великолепно выполненные рукой скульптора Джозефа Тауна (1806–1879). Восковые произведения искусства отличались потрясающей детализацией и считались поразительно точными с анатомической точки зрения. Эти реалистичные «тела» лишали самообладания, если приходилось последним уходить из музея и отключать в подвале электрический щиток. Обычно дорога наверх из подвала к выходу занимала меньше времени, чем дорога вниз.

Еще в одном из залов размещалась коллекция восковых моделей дерматологических заболеваний, на многие из которых просто невозможно было смотреть. Например, там было лицо, полностью съеденное бактериальной инфекцией, что в прошлом являлось типичной картиной сифилиса. Другая фигура демонстрировала неестественные конечности, чудовищно раздутые слоновьей болезнью. Сильно бросалось в глаза лицо, покрытое черными нарывами вперемишку с красными и желтыми пустулами. Моделей было очень много, насколько я помню, больше сотни, и если ты находился среди них слишком долго, то успевал забыть, что все эти заболевания исчезли с лица земли с приходом современной медицины.

Студенческая аудитория находилась на первом этаже, там же, где висели подлинные картины художника Гуаня Цяочана (Ламква), написанные в период с 1836 по 1852 год. На них изображены патологии, с которыми сталкивался американский медик-миссионер, преподобный доктор Питер Паркер (не путать с Человеком-пауком). Когда доктор практиковал в Китае, перед хирургической операцией он просил зарисовывать пациентов с различными дефектами. Известно, что в те времена не существовало никакой анестезии, при этом врачи нередко проводили ампутации конечностей и удаляли опухоли. Я знаю, что операции проводили очень быстро – хватало всего нескольких минут, чтобы пациенты как можно меньше страдали от нестерпимой боли. Но у меня все равно каждый раз при виде этих иллюстраций сжималось все внутри, когда я представлял, что приходилось переносить несчастным пациентам.

В последнем зале первого этажа находились стеклянные витрины, какие можно встретить в любом научном музее. Среди экспонатов были старинные медицинские инструменты, микроскопы и другие образцы раннего хирургического оборудования. Главное место занимал отделанный бархатом ящик для хирургических инструментов, которым пользовался судовой врач при Трафальгарском сражении. Также внимания заслуживали антисептический спрей Листера и антикварное анестезиологическое оборудование.

Верхние этажи музея отводились под «влажные экспонаты» – так называли образцы человеческих тканей и органов, содержащихся в жидких средах в плексигласовых емкостях. Были среди них и такие, от которых невозможно было оторвать взгляд. Рассматривая огромную коллекцию анатомических диковинок, посетители постепенно переходили от заурядных экземпляров к самым отвратительным.

⁴ Скорая помощь Святого Иоанна (англ. St John Ambulance) – международная организация, объединяющая множество аффилированных организаций в разных странах, занимающихся обучением и оказанием первой медицинской и скорой помощи. Все они ведут свою историю от волонтерской неправительственной Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна, основанной в 1877 г. в Великобритании. *Прим. ред.*

Все секции были организованы в соответствии с анатомическими системами тела и занимали обе половины целого этажа согласно отведенному месту под каждую категорию. На каждой банке стоял регистрационный номер, а рядом лежал каталог, в котором посетитель мог найти соответствующую цифру и подробное описание экспоната. В некоторых случаях прилагалась полная история болезни.

Большинство образцов попадали в музей после хирургического удаления или из морга. Когда я там работал, их насчитывались сотни, причем некоторые были современниками Джозефа Тауна. Самые старинные экспонаты находились в стеклянных сосудах, наполненных смесью спирта и глицерина и запечатанных черным битумом (дегтем) по методике того времени.

Незабываемый случай произошел со мной уже на второй день работы в музее. Мне дали задание следить за соблюдением комендантского часа (17:00), когда экспозиции закрывали на ночь. Эта процедура была необходима, чтобы выпроводить всех запоздалых посетителей и строго соблюсти часы работы музея. Заодно и все сотрудники уходили домой вовремя.

Джо, как мой непосредственный руководитель, проинструктировал меня немедленно направлять всех к выходу и игнорировать любые надуманные предлоги, которые, как он предупредил, «некоторые попытаются изобрести». Итак, без четверти пять я обошел все здание музея, напоминая каждому встречному, что мы скоро закрываемся. Я и не подозревал о том, что на балконе проводил занятие со студентами-медиками один из ведущих хирургов больницы Гая. Когда я сделал ему замечание, меня чуть не снесло волной его возмущения. Сейчас его реакция мне кажется оправданной: какой-то нахальный младший техник подходит к нему и перед всей аудиторией пытается бесцеремонно выставить его за дверь.

Разумеется, он набросился на меня с криком: «Ты хоть знаешь, с кем говоришь?» Мне были даны четкие инструкции, и я знал, что делать с теми, кто оказывает сопротивление. «Нет, и мне все равно, кто вы такой. Вам нужно уйти. Немедленно! А ну, проваливайтесь!»

Позже я узнал, что он обсудил этот профессиональный конфуз на самом высоком уровне – с куратором музея, профессором Китом Симпсоном, который был его другом и моим начальником. Я почувствовал большое облегчение и даже гордость, когда профессор заступился за меня. Он объяснил, что я просто выполнял свою работу и напоминал о скором закрытии музея. Это было очень неожиданно. Здесь чувствуется характер человека, который решился защитить «зеленого» подчиненного от обидчивого высокопоставленного коллеги. (Благодаря этому случаю меня за всю жизнь ни разу не смутило чувство собственной важности и высокое положение других людей – как минимум в медицинских кругах.)

Первые недели работы в музее я в основном проводил в кабинете куратора, который также служил препараторской. В это помещение можно было попасть с главного входа в Медицинскую школу, но еще в него был секретный внутренний проход через дверь в основной галерее музея на верхнем этаже. Мне было предначертано судьбой начать работу рядом со специфическими экспонатами, содержащимися в этой части музея: я оказался в галерее пенисов.

В галерее пенисов, как вы можете себе представить, демонстрировались разнообразные экземпляры вполне определенного свойства. Среди них один экспонат с необычайным происхождением гарантированно вызывал смехи у молодых медсестер. В XIX веке он принадлежал мужчине, который получил так называемое божественное откровение. Испытывая глубочайшее раскаяние в том, что использовал эту часть своей анатомии для «совершения греха», он решил во имя искупления отсечь повинный орган от тела. Он незамедлительно отрезал гениталии и швырнул их в нерастопленную печь, где намеревался их уничтожить. Кто-то нашел это покрытое угольной крошкой причинное место и поместил в музей на всеобщее обозрение. Еще один оригинальный объект из галереи пенисов был снабжен металлическим кольцом, продетым через крайнюю плоть, и считался одним из первых примеров боди-арта.

В препараторской, она же кабинет музейного куратора, под тусклым светом обыкновенных ламп накаливания всегда царили полумрак и беспорядок. В конце этой длинной и узкой

комнаты размещались две лабораторные мойки, а в центре стоял массивный дубовый стол, на котором мы проводили вскрытия. Если, конечно, удавалось выкроить на нем свободное местечко: как правило, он был вечно заставлен разными образцами. Современные стеклянные и пластиковые контейнеры стояли здесь вперемешку со старомодными пузатыми банками с медными крышками. На углу стола лежал пухлый «Журнал учета», в котором мы регистрировали все поступавшие анатомические образцы.

Под деревянным столом находились вместительные белые эмалированные баки с представляющими особый интерес объектами, которые хранились там неопределенно долгий срок. В одном из них лежала огромная доброкачественная опухоль яичников невероятного размера – 60 на 40 см. Очевидно, до операции ее владелица вынуждена была при ходьбе катить перед собой тележку. В другом баке хранилась матка с разнояйцевыми близнецами. Этот экземпляр был крайне полезен для студентов-медиков, обучающихся на врачей скорой помощи, которые иначе и не узнали бы, что у разнояйцевых близнецов две разные плаценты, а не одна общая.

Слева от пола до потолка тянулись полки, уставленные материалами, ожидающими заливки. На подоконнике прямо над мойкой стояли два внушительных 50-литровых аспиратора, представляющих собой огромные банки. Из них мы набирали консервант, по мере необходимости подставляя под кран банки с образцами.

Справа под светом люминесцентной лампы стоял длинный лабораторный стол для заливки материала. Дневной свет проникал сюда только из нескольких высоко расположенных квадратных окон – помещение находилось в полуподвале, так что здесь всегда не хватало освещения. Большую часть дня я исполнял там обязанности младшего техника бок о бок с коллегами, занятыми схожей работой: обрабатывал материалы, учился правильно фотографировать образцы, помещал их в плексигласовые банки для музейной экспозиции. Я не помню, чтобы шкафы и рабочие поверхности хоть раз не ломились под тяжестью незаконченных экспонатов. Отсюда можно заключить, что работы у нас хватало.

К галерее второго этажа примыкала моя любимая комната, где утром или после обеда мы устраивали себе перерыв на чай. Когда-то там располагалась учебная операционная, и ее интерьер удалось сохранить в первозданном виде. Каждый раз, входя туда, я чувствовал, что попадаю в прошлое столетие. Я представлял студентов-медиков, которые заглядывают в овальный проем площадью почти три квадратных метра, чтобы внимательно следить за демонстрационной работой квалифицированного специалиста. Возможно, наблюдая сверху за «мастер-классом», они наклонялись вперед, прижимаясь к декоративным кованым перилам и надеясь, что никто не потеряет сознание и не провалится в проем.

За чашкой чая или кофе я, как замороженный, исследовал эту комнату и делал небольшие открытия. Там все дышало стариной. Мне удавалось раскапывать старинные образцы, которые по каким-то причинам никогда не выставляли. Мне попадались удачные находки вроде набора антикварных стеклянных банок с толстыми донышками разного объема. Крышки этих овальных сосудов запечатывали дегтем и затем переносили в выставочный зал. Еще я отыскал старинное проекционное оборудование, несколько старомодных рам для картин, другие модели Джозефа Тауна, которым так и не придали достаточно законченный вид, чтобы выставить их в нижнем зале... В сущности, это была ветхая, затхлая сокровищница, которая меня очень занимала. Оказавшись в ней, ты сразу чувствовал, что перемещаешься в том же пространстве, прикасаешься к тем же вещам, вдыхаешь тот же воздух и выполняешь те же обязанности, что и твои предшественники сто лет назад. Стоя там в возрасте 15 лет, я остро ощущал связь не только с Музеем Гордона, но и со всей больницей Гая.

Глава 3. Анатомия убийства

(Рассказывает Дерек.)

Жуткая атмосфера музея затягивала меня, и зал, посвященный судебной медицине, очень скоро стал моим любимым. Я ни во что не ставил тех, кому леденящая кровь тема убийств не казалась увлекательной: как можно предпочесть стандартные анатомические образцы стеклянным шкафчикам с коллекцией предметов, доказывающих факт умышленного преступления, которые были собраны с мест самых громких убийств в истории Британии? Для меня выбор был очевиден.

В этой секции музея выставлялось оружие и части тел, взятые из материалов судебных дел, которыми занимался профессор Симпсон во время работы на Министерство внутренних дел Великобритании в качестве судмедэксперта. В своих мемуарах *Forty Years of Murder* («40 лет убийства») он описал все судебные дела, с которыми столкнулся на протяжении своей долгой и выдающейся карьеры. Меня охватывало удивительное чувство, когда я смотрел на экспонаты, непосредственно связанные с работой профессора, и запоминал все сопровождающие их вопиющие подробности – вплоть до имени убийцы и его дальнейшей судьбы.

Одно из самых прославленных дел профессора Симпсона, в котором добытые им вещественные доказательства сыграли ключевую роль, было связано с серийным убийцей, орудовавшим в 1940-х годах. Джон Джордж Хэйг, также известный по прозвищу «Убийца с ванной кислоты», за финансовые махинации попал в тюрьму, где узнал от других криминальных личностей блестящие способы совершения убийств – иными словами, методы «идеального преступления». Хэйг вспомнил, что когда-то читал статью о деле парижского адвоката Майтри Саррета, который убил свою любовницу и ее друга за попытку шантажа и растворил их тела в серной кислоте. Идея совершить «идеальное убийство» буквально заворожила будущего маньяка. Он решил провести необходимые эксперименты. В тюрьме работала мастерская по лужению и пайке металлических изделий, где использовалась серная кислота. Он устроился в мастерскую, где стал понемногу воровать кислоту, и погрузился в опыты над мертвыми мышами. Так он выяснил, сколько времени требуется для полного растворения небольшого трупика.

Освободившись из тюрьмы, Хэйг приобрел мастерскую и стал подыскивать доверчивых людей, которых можно было обобрать до нитки. Будучи исключительно обаятельным и привлекательным мужчиной, он вращался в кругах богачей и старательно выбирал своих жертв, искусно подделывая их подписи. Ему удавалось обманным путем получать страховые выплаты и повышать собственное материальное благосостояние. Но его амбиции простирались гораздо дальше...

Взяв в аренду дом, Хэйг установил там большую металлическую бочку и наполнил ее кислотой. Под безобидным предлогом злоумышленник приглашал жертв, обычно женщин, навестить его жилище. Затем он убивал их дубинкой или выстрелом из пистолета и погружал тела в кислотную ванну. Некоторое время спустя Хэйг возвращался, чтобы слить превратившиеся в жидкость останки, однако трупы растворялись не полностью. На дне бочки собирался осадок, который ему приходилось доставать и выбрасывать на запущенном участке позади дома.

Когда Оливия Дюран-Дикон познакомилась с Джоном Хэйгом, он выдавал себя за инженера. Немного погодя их разговор перешел на обсуждение конструкции для изготовления накладных ногтей, которую она спроектировала. Он заманил ее к себе под предлогом «обсуждения этой идеи», и, едва женщина переступила порог его дома, Хэйг застрелил ее. Поместив тело убитой в кислоту на всю ночь, чтобы на следующий день прибрать ее останки, он сразу же попытался продать роскошную дорогую шубу, в которой она пришла к нему в гости. Именно

эта неосторожность стала причиной его поимки. Когда миссис Дюран-Дикон исчезла, ее обеспокоенная подруга начала молить Хэйга отправиться вместе с ней в полицию и заявить о пропаже состоятельной дамы. Он был последним, с кем она контактировала перед исчезновением, поэтому полицейские сразу же объявили Хэйга подозреваемым и обыскали его дом. На его несчастье, пистолет, из которого он застрелил Дюран-Дикон, все еще лежал на видном месте. Вскоре полиция отыскала ванну с кислотой, а рядом вставную челюсть жертвы. Убежденные в виновности Хэйга хранители порядка арестовали его на основании собранных вещественных доказательств.

Однако убийца хорошо знал законы и был уверен в своей неприкосновенности. Он издевательски сообщил полицейским: «Миссис Дюран-Дикон больше не существует, я растворил ее в кислоте. Вы не можете доказать убийство без тела⁵».

Затем он назвал имена еще восьми жертв, которые также исчезли в его «ванне». Он был убежден, что улики для предъявления ему обвинений не существовало.

Профессор Кит Симпсон работал судмедэкспертом в районе, где произошло убийство, поэтому его вызвали на место преступления. После осмотра мастерской он сразу же заинтересовался участком позади дома, куда злоумышленник сливал содержимое бочки. Наклонившись к земле, он подобрал с нее несколько кусочков костей и камень из желчного пузыря. Окружающие решили, что камень был обнаружен по счастливой случайности, но профессор Симпсон удивил всех, заявив, что именно его и искал. По его мнению, женщина такой внушительной комплекции, как миссис Дюран-Дикон, несомненно, страдала от желчнокаменной болезни.

Это вещественное доказательство прибавили к другому изобличающему факту, а именно к попытке Хэйга продать шубу несчастной жертвы, вследствие чего его осудили за совершение убийства и в 1949 году повесили. Спустя почти 15 лет я смотрел на те самые камни из желчного пузыря, попавшие в коллекцию вещественных доказательств профессора Симпсона в Музее патологии Гордона. Они по сей день лежат там, под стеклом, и свидетельствуют о высоком профессионализме судмедэксперта, который смог отыскать важнейшие вещественные доказательства, позволившие арестовать серийного убийцу.

⁵ Постулат *corpus delicti* (буквально – «наличие тела») был введен в уголовные уложения Великобритании еще в Средние века. Тогда правосудию необходимо было представить мертвое тело, иначе доказать убийство было практически невозможно. Формально эта правовая норма существовала и в то время, когда задержали Хэйга, в 1949 году, и именно на *corpus delicti* и рассчитывал преступник. *Прим. ред.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.